

Что же нарисовать?

Вэнь Жунь уже решил. Его лист ксюаньчжи был цельным, не разрезанным — он не стал его кроить, а просто развернул и начал рисовать с одного края.

Что именно?

Он с глубоким вниманием изобразил Ван Цзюня.

Ван Цзюнь был одет в официальную форму байху (сотника): одна рука покоилась на рукояти меча, другая — на груди, чуть ниже живота. Он стоял прямо, полный сил и достоинства, молодой, энергичный, сияющий жизнью.

Таким Вэнь Жунь впервые увидел его — и ему это понравилось.

Раньше Ван Цзюнь казался человеком без будущего, будто его надежды — лишь слабый огонёк свечи, колеблющийся на ветру, готовый погаснуть в любой момент.

А теперь он словно стройная молодая осина — крепкая, прямая, полная жизни.

Вэнь Жунь полностью погрузился в работу и даже не заметил, как Ван Цзюэ ненадолго заглянул в кабинет. Увидев, что гэфу рисует — и особенно узнав в ещё неоконченном, лишь намеченном силуэте знакомые черты — мальчик тихо ушёл, не желая мешать.

В комнате его уже ждал Ван Цзинь. Тот читал «Триста стихотворений династии Тан», и, увидев брата, сразу спросил:

— Второй брат, ты спросил? Как читается этот иероглиф?

— Нет, — покачал головой Ван Цзюэ. — Гэфу рисует. Я не посмел побеспокоить.

— Рисует? — удивился Ван Цзинь, а потом вздохнул с досадой: — Да ведь это всего лишь один иероглиф! Ты бы просто спросил — гэфу бы ответил и всё. В чём проблема?

Для Ван Цзиня рисование казалось чем-то обыденным. Он знал, что такое живопись, но они ещё не учились этому.

Гэфу всегда говорил: сначала нужно научиться правильно писать иероглифы, а уж потом — думать о рисовании. Иначе, мол, начнёте рисовать раньше времени, и ваши иероглифы превратятся в каракули — кто потом станет это читать?

Поэтому Вэнь Жунь не обучал их живописи. Сейчас главное — учиться читать и писать. Второстепенное — развитие ума: можно играть в шахматы, брать уроки музыки или физкультуры, но уроков рисования — нет!

Когда их почерк окончательно сформируется, тогда и можно будет подумать о живописи.

— Нельзя, — твёрдо сказал Ван Цзюэ, и на лице его отразилась грусть.

— Тогда я сам пойду спрошу! — Ван Цзинь вскочил с места, но Ван Цзюэ тут же потянул его обратно:

— Не ходи.

— Но я не выучил это стихотворение! А на уроке гэфу попросит прочитать — что мне тогда делать? — нахмурился Ван Цзинь. — Второй брат, с тобой всё в порядке?

— Ты знаешь, кого рисует гэфу? — тихо спросил Ван Цзюэ со вздохом.

— Кого? Птиц и цветы? Древних мудрецов? Или пейзажи? — не задумываясь, перечислил Ван Цзинь.

В их школе на стенах висело множество картин. Правда, не написанных Вэнь Жунем. В отдельной комнате даже были портреты Конфуция и Мэнцзы, а также изображения семидесяти двух учеников-мудрецов. В первый же день занятий дети заходили туда, кланялись, зажигали благовония и подносили чай. Меняли одежду и обувь — церемония была очень торжественной.

Кроме того, на стенах других комнат тоже висели картины — но это были либо приобретённые Вэнь Жунем работы, либо оставленные прежним хозяином дома: изображения цветов и птиц, картины с изображением девяти племён Цзюйли, карпы и прочее. Сам Вэнь Жунь не рисовал, но поскольку картины всё равно занимали место, он решил повесить их — чтобы дети чаще видели прекрасное и проникались атмосферой культуры.

Однако все понимали: живопись — это лишь побочное искусство. На экзаменах для поступления на государственную службу рисовать не спрашивают.

Поэтому Ван Цзиню было непонятно: в чём дело? Ведь он просто хотел спросить про один иероглиф — не собирался же он отвлекать надолго!

— Гэфу рисует человека, — тихо произнёс Ван Цзюэ. — Это... старший брат.

Ван Цзюнь.

Их старший брат. Но в то же время — и «старший брат по договору» Вэнь Жуня, с которым тот заключил формальный брачный союз.

— А... ну... это... — Ван Цзинь растерялся и не знал, что сказать.

— Ладно, забудь это стихотворение, — решил Ван Цзюэ. — Выучи следующее. Если гэфу спросит на уроке, скажи, что не знал, как читается этот иероглиф, хотел спросить у него, но потом отвлёкся на другое и забыл.

— Так и скажу. Только не мешай гэфу, — добавил он с тяжёлым вздохом. — Ты ведь знаешь... прошло уже два года с тех пор, как гэфу вошёл в наш дом. Старший брат вернулся... но они с ним... ах!

Чтение и письмо дают понимание мира.

Эта фраза не зря существует.

Братья и так были рано развитыми, и теперь смутно начинали понимать кое-что.

Старший брат пожертвовал всей своей жизнью ради семьи!

Гэфу тоже пожертвовал всей своей жизнью ради этой семьи!

Один ушёл в армию — теперь каждый день рискует жизнью на поле боя, сражаясь насмерть.

Другой навсегда лишился права сдавать государственные экзамены и теперь заперт в этом глухом уголке. Даже о «хуэйши» — главном императорском экзамене — гэфу никогда не упоминал при них.

Согласно обычаям нынешней династии, став цзюйжэнем, человек хотя бы раз-два обязан был явиться на хуэйши. Если трижды не проходил — тогда уже мог не ходить.

Но в случае гэфу даже если бы он ни разу не пошёл, никто бы и слова не сказал.

Потому что, даже если бы он сдал экзамен, его всё равно не допустили бы к должности...

Оба брата молча переглянулись и замолкли.

Вэнь Жунь рисовал до поздней ночи, но успел лишь закончить контур — раскрашивать ещё не начал. Слишком поздно стало, и он просто пошёл спать. Картина так и осталась лежать на столе, не убранная.

Позже два младших брата тайком подкрались, заглянули — и молча ушли, ничего не сказав.

Чэнь Сюй как раз пришёл подготовить одежду Вэнь Жуню на завтра и не заметил этой мелочи.

В ночь на пятнадцатое июля Вэнь Жунь устроил двух братьев спать во внешней комнате своей спальни, а внутреннюю отдал сестрёнке Ван Мэй. К ней присоединились жена Чэнь Цяна и четыре служанки — Мудань, Шаояо, Цяньвэй и Юэцзи — чтобы провести ночь вместе с маленькой барышней.

Ведь в эту ночь за окном то и дело сверкали молнии и гремел гром. Все говорили: «Открылись врата преисподней — на землю вышли злые духи!»

Поэтому в Ляньхуаао все дома плотно заперли двери и даже не зажигали огней — боялись, что свет привлечёт внимание нечисти.

Вэнь Жунь считал это суеверием, но... разве он сам не живое доказательство того, что в этом мире всё возможно? Он ведь реально переродился в другом теле! Так что пришлось смириться и не спорить.

Ночь выдалась по-настоящему ужасной.

Гроза бушевала до самого рассвета, и к утру вся семья была вымотана до предела.

Завтракали всухомятку, и Вэнь Жунь объявил:

— Все — спать! Идите досыпать. Сегодня, слава небесам, наконец-то выглянуло солнце, так что отдыхайте!

Его слова вызвали весёлый смех, но все послушно разошлись по комнатам.

К счастью, в этот день частная школа тоже была закрыта — иначе пришлось бы устраивать самостоятельные занятия.

В обед никто не проснулся, но на кухне всё равно приготовили еду.

Лишь к вечеру люди начали постепенно подниматься, быстро поужинали — и только тогда пришли в себя.

Восемнадцатое июля — благоприятный день.

Лю Цуйхуа выходила замуж из дома старика Яна. Его западный флигель превратился в её

«девичью комнату». Всё там было преобразовано.

Это помещение изначально предназначалось для будущих молодожёнов семьи, но теперь его не только тщательно убрали, но и полностью обновили: двери и окна заново покрасили, постелили свежий циновки на кан, поставили новый шкаф и комод, даже пол выложили новой плиткой.

Занавески и дверные шторы заменили на новые, ярко-красные, украшенные алыми шёлковыми лентами.

Поскольку это был второй брак Цуйхуа, красного покрывала на голову она не надевала. Вместо этого она облачилась в ярко-алое платье, собрала волосы в причёску «линъэцзи» («змеиный хвост»), украсила её двумя крупными алыми пионами, в волосах блестела золотая шпилька, в ушах — золотые серьги, на руках — массивные золотые браслеты, а на шее — броский золотой обруч с вкраплённым в него рубином величиной с ноготь.

Надо признать: сочетание красного и золота смотрелось очень эффектно.

Вэнь Жунь пришёл как гость на церемонию и, увидев её наряд, не удержался:

— Да сколько же Ма Сань потратил?!

Вся она сверкала золотом — чистый вкус выскочки!

— Он сказал, что ничего надёжнее золота нет, — с досадливой улыбкой пояснила Цуйхуа. — Всё это привёз в качестве свадебных даров и велел надеть.

Действительно, выглядело это чересчур пышно. Ведь для второго брака по обычаю полагалось скромное торжество: после ужина — и в паланкин, и всё. В деревнях вообще часто шли пешком. Достаточно было двух новых нарядов — и то считалось щедростью.

Богатые семьи иногда отправляли невесту верхом на ослице.

Но всё это делалось тихо, незаметно.

А Ма Сань ведь сам впервые женился!

Хотя он и говорил, что свадьба будет «скромной», но «скромность» — понятие относительное.

Он устроил всё по полной форме: три обряда шесть традиций (традиционные свадебные процедуры) — ни одна не пропущена. Пригласил официального сваху, вручил все положенные

дары, а отдельно подарил дому Яна сто лянов серебра «в знак благодарности за приют».

Двоюродная сестра Цуйхуа была в полном замешательстве — эти сто лянов она не взяла себе, а положила в приданое племяннице.

К тому же Ма Сань нанял настоящий свадебный оркестр: играли на духовых, струнных — всё как положено. Привёз алый паланкин, нанял носильщиков, людей для сопровождения приданого — все в одинаковых красных одеждах, сияли от радости.

На первом браке Цуйхуа такого размаха не видела.

А на втором — целых двадцать свадебных столов в доме жениха!

Чем это отличается от первого брака?

Разве что красного покрывала на голове не было — и всё.

Весь Ляньхуаао пришёл на свадьбу — целыми семьями.

У Ма Саня нашлась целая свита: его подчинённые участвовали в свадебном шествии, а множество уездных стражников пришли поздравить его с женитьбой.

Вэнь Жунь незаметно подсунул красный конверт с деньгами в один из багажных узлов Цуйхуа. Её приданое состояло из двух сундуков, четырёх узлов и целой повозки, на которой везли четыре пуховые перины — все в ярко-красных и зелёных чехлах.

Жених прибыл за невестой уже под вечер.

— Разве не в полночь должны были прийти? — Вэнь Жунь вытянул шею, любопытствуя.

— Чего пялишься? — тут же потянула его за ухо тётушка Ян. — Сиди смирно, держи осанку! Пусть знают, что у моей сестры есть заступник — ты ведь цзюйжэнь!

— Ладно-ладно... Хотя все и так друг друга знают, — вздохнул Вэнь Жунь и сел прямо.

На нём был длинный халат из прозрачной ткани цвета молодого лука. Он сидел рядом со стариком Яном — и оба с достоинством ожидали, когда же появится жених, чтобы немного «проверить» его на прочность.

— Все знакомы? — удивился старик Ян. — Как так?

— Кроме Ма Саня, всех я хоть раз видел в уездном ямене, — пояснил Вэнь Жунь. — Пусть и не знаю их имён. А ещё там брат Юань Дао — он тоже неплохой человек. Даже арендует у нас лавку.

Юань Дао был надёжным арендатором: платил за аренду вовремя, а когда семья Вана ездила в город за покупками, всегда заходила в его магазин. Каждый раз, завозя новый товар, он специально откладывал немного для семьи старика Вана.

Жена Чэнь Цяна несколько раз с ним торговалась и решила, что его лавка — самая подходящая. Только если чего-то не было у Юань Дао, она шла в другие магазины.

Вэнь Жунь вообще был завсегдатаем уездной ямы и находился в дружеских отношениях с самым уездным начальником. Разве не видно, что тот почти каждый раз, получая новый или хороший чай, обязательно присылал немного Вэнь Жуню?

Семья Лао Ван вообще не тратила денег на чай!

— Раз все знакомы — отлично! — обрадовался старик Ян. — Значит, Ма Сань теперь не посмеет обижать Цуйхуа.

Он тяжело вздохнул:

— Честно говоря, сначала мы были против этого брака. Но Ма Сань оказался упрямцем — заявил, что женится только на Цуйхуа. Даже староста Ма сказал: «Ему уже тридцать, если сейчас не женится, так и состарится в одиночестве». Моя жена растрогалась — и согласилась.

— Впрочем, брак — это хорошо, — сказал Вэнь Жунь. — А если бы у них ещё родились дети — было бы совсем замечательно.

Сам он детей не имел и даже не думал заводить. В прошлой жизни он был убеждённым безбрачием, а возможно, даже асексуалом — вся его жизнь была посвящена учёбе и исследованиям.

Кто бы мог подумать, что с ним случится такая нелепая история с перерождением?

Сначала он просто боролся за выживание, а потом — за нормальную жизнь.

Ван Цзюнь ему нравился, но... человеку, пережившему уже столько жизней — в прошлом и настоящем, — не так-то просто было мечтать о романтике.

Да и местные женщины ему не подходили — будь то принцесса или деревенская девушка. Уж точно никто не разделял бы его взглядов. Они были словно с разных планет.

Но он ведь мог смотреть на вещи глазами этого времени!

— Ты прав, — кивнул старик Ян. — Даже дочка была бы к лучшему! Только вот... боюсь, как бы не вышло, что «воду в бамбуковой корзине таскали» — всё напрасно.

Они как раз об этом и говорили, как вдруг у ворот появился жених.

Во главе своей свиты он весело распахнул дверь и, не церемонясь, направился прямо к комнате невесты. Распахнув дверь спальни, он обнаружил... перед собой сына семьи Ян — юного Ян Му.

Мальчик был одет в простую, но аккуратную одежду из тонкого конопляного полотна цвета молодой зелени, волосы собраны в хвост, на ногах — новые соломенные сандалии. Он смотрел на вошедшую толпу чистыми, спокойными глазами — без тени страха.

— Ого! Чей это парнишка?

— Неплохо сложен!

— Лет одиннадцать-двенадцать, не больше?

Обычно эти стражники пугали всех своим видом, но сегодня, хоть и не злились, всё равно были в официальной форме — чтобы подчеркнуть статус Ма Саня и показать: «Мы — власть!»

Правда, на поясах у всех были повязаны алые ленты — всё-таки свадьба!

— Это же Ян Му! — узнал мальчика Юань Дао. — Что ты здесь делаешь?

Он бывал в доме старика Вана и знал, что цзюйжэнь Вэнь очень высоко ценит этих ребят. Говорили даже, что через несколько лет, как им исполнится пятнадцать, они пойдут сдавать экзамены на суйцай (степень младшего учёного).

Это вызывало у Юань Дао зависть: у него тоже был сын, но раз он сам — стражник, то в течение трёх поколений его потомки не имели права сдавать экзамены. Лишь его правнук, если повезёт, сможет попробовать... и то только если его сын не пойдёт по стопам отца.

— Я вас ждал, — вежливо произнёс Ян Му. — Сегодня вы пришли свататься за мою тётю по материнской линии.

— Конечно! — серьёзно ответил Ма Сань. — Так не мог бы ты, племянничек, пропустить меня? Твой будущий дядюшка даст тебе сладости!



<http://bllate.org/book/15642/1398130>